

О. А. СЕРГЕЕВА

## **СООТНОШЕНИЕ НОВАЦИЙ И ТРАДИЦИЙ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ**

В данной статье рассматривается проблема новаций и традиций в цивилизационном процессе с точки зрения общих закономерностей общественного развития, с позиций взаимодействия новаций и традиций в различных сферах человеческого бытия: морали, идеологии. Ставится цель вскрыть амбивалентную роль новаций в конкретно-исторических условиях, показать, что смена смыслов и ценностных ориентации зависит от инновационной деятельности социума в качестве ответных действий на вызовы природы и социальных структур, а также проанализировать особенности современной новационной деятельности и ее разновидности в эпоху модернизации.

Под цивилизационным процессом мы понимаем возникновение, развитие и распад (гибель) цивилизаций.

Традиции – это элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в определенных обществах, социальных группах в течение длительного времени. В качестве традиций выступают определенные общественные установления, нормы поведения, ценности, идеи, обычаи, обряды и т. д.<sup>1</sup>

Инновация – это любое открытие, которое осуществляется на индивидуально-личностном уровне, но в дальнейшем достигает некоторого уровня принятия социумом, конкретным обществом. основополагающим условием для новаций является их транслируемость. В ином случае открытие является лишь открытием для себя и умирает вместе с творцом или группой, принявшей новацию. Немаловажное значение имеет среда трансляции. Это может быть

---

<sup>1</sup> Большой энциклопедический словарь. Т. 1. С. 488.

уровень общего течения событий в цивилизации, этносе, культуре. Трансляция может быть локально ограниченной, в этом случае она изменяет, оказывает влияние не на всю среду (цивилизацию), а лишь на ее определенную часть (этнос или субэтнос, социальный слой и т. д.).

В то же время сами новации обусловлены культурно-историческим миром, средой, в которой живет и работает человек, культурными традициями, которые очерчивают и ограничивают проблемное поле движения мысли, границы и цели возможных нововведений. Новация может идти по пути возобновления исторической традиции, т. е. носить характер попятных движений, быть проявлением цикличности. Новое часто выступает на поле индивидуального сознания как следствие сложного культурно-исторического или социокультурного мира человека (общественного деятеля, социального реформатора, ученого). Поэтому очень часто в социальных новациях большую роль играют этнокультурные маргиналы, бастарды, пришельцы. На общественном уровне, в отличие от индивидуального, новация выступает как «мутация» культурных эстафет, традиций, как преобразование через собственный код культуры чужеродных влияний. Принципиально новую культурную традицию (культуру) дает новый этнос, сформировавшийся на базе минимум двух распавшихся этнических систем. Взаимодействия и мутации культурных эстафет происходят первоначально на поле индивидуального сознания, а потом уже принимаются или не принимаются социумом, и в рамках социума в дальнейшем вырабатывается механизм их трансляции, который со временем формирует и мировоззренческую традицию.

Таким образом, новое, прежде чем оно станет достоянием в любой социальной структуре, в том числе и цивилизации, должно возникнуть и сформироваться первоначально на индивидуальном уровне. Исключение составляет инкорпорированный (заимствованный и включенный в свою культуру) опыт чужих культур.

Наиболее подходящий период для новаций – состояние неустойчивости цивилизационной системы, когда цивилизационные инновации являют собой лишь звено в цепи причинно-следственных связей. Коллективный опыт эпохи, который еще не обрел вербальной определенности, который еще не структурирован и не ка-

нонизирован, называют духом времени. Он воспринимается участниками социальных действий интуитивно и обладает кооперативным эффектом при формировании общего настроения. Это особое состояние социума – состояние его неустойчивости, которое характеризуется чувствительностью среды к малым изменениям. Именно через неустойчивость среды осуществляется связь уровня индивидуального творчества, его открытий с уровнем социального сообщества, с его готовностью принять новации. Таким образом, неустойчивость социальной системы есть условие для новационных изменений. Именно в такой среде есть шанс для возникновения относительно нового общекультурного образца (возникновение протестантизма в западно-европейской цивилизации) или культурного образца, не имеющего общекультурного значения для цивилизации, но в достаточной степени на нее повлиявшего (сикхизм в Индии).

«Именно в состоянии неустойчивости открытой нелинейной среды малые флуктуации, случайности приводят к становлению новой макроскопической картины бытия. При подходе к моменту обострения или вблизи бифуркации сказывается хаос на нижележащих уровнях, бытия... Среда, находящаяся в состоянии неустойчивости, может с нелинейной положительной обратной связью, т. е. многократно, усилить эти малые возмущения, флуктуации и развернуть их в виде нового упорядоченного состояния»<sup>2</sup>. Если в социальной среде (любая социальная среда нелинейная) под влиянием одного или нескольких факторов нарастает неоднородность, то такая социальная среда неустойчива к малым возмущениям. Небольшая группа может принципиально изменить ситуацию, если уровень понимания предложенных ими идей в обществе растёт. Это создаёт условия для формирования в обществе новой идеологической парадигмы. Сама логика развития общества приводит к определённым новациям. Это происходит тогда, когда существует особое состояние менталитета общества, чувствительное к малым сдвигам в решении проблем, когда даже малые изменения способны разрастись в новые коллективные образы, обряды, традиции, мировоззренческие установки подавляющего большинства людей. «Даже малые различия в предпочтениях вести себя одним образом,

---

<sup>2</sup> Князева Е. Н. Одиссея научного разума. М., 1995. С. 208.

а не другим, имеют тенденцию экспоненциально разрастаться в сильно различающиеся культурные образцы»<sup>3</sup>. «Микромотивы могут оказывать и действительно оказывают удивительно большое влияние на макроповедение»<sup>4</sup>. В настоящее время сторонники геннокультурной коэволюции, к которым относятся Ламсен и Уилсон, говорят об устойчивых связях между генами и окружающей средой, возникающих в случае регулярно повторяющегося процесса их взаимодействия, и считают, что в типичных условиях человеческих сообществ прямая связь генов с культурой через мышление носит весьма жесткий характер. Данная позиция разделяется далеко не многими. Противников геннокультурной коэволюции больше, чем сторонников<sup>5</sup>.

Понять соотношение новаций и традиций в цивилизационном процессе невозможно без определения значения свободы в человеческой деятельности. За все время своего существования человечество не выработало конвенции по жесткому определению понятия «свобода». В каждой цивилизации существует свое понимание свободы. Как бы ни было структурировано человеческое общество, какой бы ни была социальная организация – человеческая свобода, возможность выбора жестко ограничена определенным диапазоном. Социальная организация, религия, производственная деятельность, нравственность основаны на табуировании, регламентации, ограничении свободы человека. Они ограничивают новации, консервируют (охраняют) традиции в качестве выработанной данным обществом оптимальной формы существования в определенной экологической среде, в определенном этнокультурном и социально-экономическом окружении. Этим ограничителем, в первую очередь, выступают: культура, мораль, традиции, система ценностей, устоявшиеся формы поведения, культурные штампы, каноны. Ограничения могут быть жесткими и гибкими, многовариантными, но не может их не быть. Человек всегда свободен в рамках определенного выбора, из установленных позиций.

---

<sup>3</sup> Lumsden Ch. J. Wilson Ed. O. Genes, Mind and Culture. The Coevolutionary Process. Cambridge, 1981. P. 177.

<sup>4</sup> Ламсен Ч. Гушурст А. Ген некультурная коэволюция: человеческий род в становлении // Культура и развитие научного знания. М., 1991. С. 133.

<sup>5</sup> Меркулов И. П. Международная конференция «Философия естествознания XX века: итоги и перспективы» // Вопр. философии. 1997. № 10. С. 142.

Профессор Г. Хакен, почетный председатель Немецкого общества по изучению сложных систем и нелинейной динамики, утверждает, «что, несмотря на всю свободу, люди гораздо более поработаны, чем они обычно отдают себе в этом отчет, и гораздо более разумным является осознание этого факта»<sup>6</sup>. В любом социуме человек свободен в тех пределах, какие ему устанавливает общество, через его, человека, место в социальной структуре, через систему господствующих моральных и эстетических нормативов, через традиции и обычаи. Так демократия – высочайшее достижение в организации социальной жизни общества – в современной практике превратилось «в политическую систему, машину, главной целью и приоритетом которой является не свобода выбора, а подчинение индивида нормам и правилам социальной жизни во имя достижения общественного согласия»<sup>7</sup>. Деятельность человека, его мышление в любую эпоху включены в социокультурную традицию этноса, нации, цивилизации. И через это конкретный человек сам идентифицирует себя с конкретной общественной структурой: цивилизацией, нацией, этносом, классом, кастой, стратой, профессиональной общностью и т. д.

Как ученый (исследователь) должен подчиняться образцам ведения научных исследований и дискуссий и принципам видения мира, общепринятым в научном сообществе, так и конкретный индивид любой социальной системы должен принять установленные в обществе «правила игры», в противном случае он будет отвергнут этим обществом. Уже в догосударственных социальных структурах, где понятие этнос и племя идентичны, социум накладывает жесткие ограничения на свободу индивида. Общество в условиях родоплеменного строя вполне успешно вырабатывает механизмы для полного контроля за сохранением статус-кво, обеспечения стабильности системы и ограничения новаций, мешающих этому.

Любая сложившаяся социальная система в определенной степени консервативна. В науке мы сталкиваемся с инерцией парадигмального сознания. Феномен инерции общепринятых в обществе норм имеет место во всех областях социальной жизни. На инерцию

---

<sup>6</sup> Haken H. Can Synergetics Be of Use to Management Theory? // Self-Organization and Management of Social Systems. Insights, Promises, Doubts and Questions. Berlin, 1984. P. 37.

<sup>7</sup> Степин В. С., Толстых В. И. Демократия и судьбы цивилизации // Вопр. философии. 1996. № 10. С. 6.

вкусов и норм в культуре обратил внимание Шопенгауэр<sup>8</sup>. В цивилизации, этносе, нации присутствует инерция социокультурных стереотипов, которые, единожды выработанные, сформировавшиеся вместе с данной структурой, эволюционируют вплоть до полного разложения или самоотрицания, но не меняются кардинальным образом в своих базовых принципах. Инерция – это иммунитет конкретного социума как целостного организма, условие сохранения существующей структурной организации многоуровневых связей и взаимоотношений. Это означает также отторжение всего иного, чуждого, не свойственного данному социальному организму. В цивилизациях иммунитет к социокультурным новациям, противоречащим социокультурному коду системы, играет позитивную роль. Он защищает систему от размывания, разрушающего воздействия хаоса, предохраняет от возможного противоборства, конкуренции, противодействия разнонаправленных тенденций, которые хороши в фазе выбора социокультурных стереотипов, но разрушительны на фазе линейного развития системы. К примеру, противоборство двух религий в уже отлаженной и функционирующей системе может привести ее к распаду или уничтожению. Другой пример относится к сфере социально-экономической, когда один из социальных слоев, класс, вырабатывает или принимает иную, отличную от доминирующей в обществе идеологию, систему ценностей, мораль, нормы поведения, новый принцип идентификации. Он становится субэтносом, с потенциальной заявкой на новую цивилизационную парадигму.

Цивилизация, как и любой социальный организм, является открытой нелинейной системой. «Каждая открытая нелинейная система имеет некий порог восприятия малых флуктуации и случайностей. Этот порог есть защита этой системы от хаоса на макроуровне. Высокий порог означает... свехупорядоченность системы, что приводит систему к стагнации»<sup>9</sup>. Существует оптимальный порог восприятия новаций цивилизационной системой. Этот порог охраняется традициями. Поэтому уничтожение сложившихся традиций ведет систему к гибели. Отсюда и огромное значение идео-

---

<sup>8</sup> Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. М., 1990. С. 74.

<sup>9</sup> Князева Е. Н. Одиссея научного разума. М., 1995. С. 201.

логии в качестве системообразующего фактора цивилизации, этноса.

Развитие любой идеологии, культуры, социальных институтов имеет стадию не только эволюции, но и инволюции (деградации, догматизации). В науке можно четко проследить, как учение становится доктриной, потом догмой. «Догма – стадия вырождения идеи. Канон – стадия вырождения метода»<sup>10</sup>. То же самое мы наблюдаем при анализе закономерностей общественных процессов. Идеология всегда является неотъемлемой частью структурирующей социальной системы. Деграция идеологии – также закономерное явление распада социальной системы макроуровня, каковой цивилизация и является. Все существующие ныне суперэтнические системы (цивилизации) формировались под эгидой мировых или региональных религий. Западно-европейская цивилизация – под влиянием западного христианства, мусульманский мир – на основе ислама, структурообразующим принципом Китая явилось конфуцианство, а Индии – индуизм. Когда идеология превращается в жесткий канон, догму, она деградирует, теряет способность адекватно реагировать на изменяющиеся условия, процесс эволюции заменяется процессом инволюции, упрощения. В условиях стабильного состояния общества из идеологии, прежде всего, выхолащивается то, что стало обременительным для элиты, возникают двойные, тройные стандарты. Первыми из идеологии выпадают те звенья, которые налагали на элиту ограничения или тяжелые социальные обязанности, не свойственные основной массе населения, в качестве уравнивания прав и обязанностей в социально и экономически дифференцированном обществе. И чем более дифференцировано общество, тем большую значимость имеют эти ограничения, чем более однородно общество, тем меньше их роль. В разделенном обществе, как условие его стабильности, с необходимостью складываются механизмы сглаживания неизбежных противоречий, которые преобразуют деструктивные факторы если не в условия, приводящие к эволюции, то по крайней мере препятствующие разрушительным для общества тенденциям. Исторический опыт показывает, что определенные пути достижения благ людьми могут быть разрушительными для конкретного общества в обозри-

---

<sup>10</sup> Там же. С. 202.

мой перспективе. Онтология социальных отношений выражается в системе ценностей и рефлексивируется общественным сознанием. Неразрывность онтологии и аксиологии обуславливает создание механизма социальной компенсации, когда преимущества элиты перед остальной частью общества уравниваются тяжелыми социальными обязанностями, не свойственными другой части общества. Ближайшие соратники скифского царя политически, а часто и физически умирали вместе с царем, карфагеняне в период тяжелейших испытаний приносили в жертву «молоху» детей элиты, вождь даков, отправляя на войну свой народ, убивал собственного сына. И таких примеров огромное число. Форма социальной компенсации менялась исторически и существенно различалась между цивилизациями – от жертвы жизнью до жертвы капиталом, когда высокие налоги с высоких доходов сопровождаются выработкой механизма, не допускающего их сокращения.

Когда идеология превращается в жесткий канон, а затем упрощается, выхолащивается в угоду определенным слоям, она не выдерживает конкуренции с новой идеологией, и неважно, кто является субъектом новой идеологии: класс, каста, этнос. На уровне субъекта исторического процесса мы можем констатировать наличие структурного распада или состояние кризиса, того, что предшествует распаду, если ситуация принципиально не изменится. Противостояния на классовом уровне могут перерасти в социальную революцию, на этническом – в национально-освободительную борьбу. В обоих случаях борьба ведется за свободу от чужих, а чужими они стали потому, что рухнул или оказался в состоянии кризиса надэтнический, надклассовый уровень идентификации, каким, например, является цивилизационный уровень.

Любая новая социальная система макроуровня рождает свою идеологию, свой канон, нарушая при этом ранее существовавшие каноны, вырабатывает совокупность новых правил для решения, в том числе и ранее существовавших проблем и даже решаемых или решенных в прежних структурных образованиях. Когда система завершила структуризацию, тогда догматизируются и теория, и социальная жизнь, и культура. Что такое народное творчество? Это догматизированные образцы культуры. Социальная революция – бунт против догматизации социальной структуры и экономических от-



ношений прежде всего со стороны тех, кого эта структура не устраивает, все равно, имеем мы дело с буржуазной революцией или социалистической. Социальная революция может быть столь всеохватывающей в ломке устоявшихся структур, что в состоянии уничтожить и этническую, и цивилизационную систему. Это происходит в том случае, если наряду с социально-экономической структурой разрушаются и идеология, культура, стереотипы поведения, мораль.

Новая социальная система первоначально дает простор новациям, но постепенно, по мере структурирования, налаживания функциональных и операциональных связей, инновации сужаются до пределов, ограниченных сформировавшимся канонем. На индивидуальном уровне цензором для каждого человека является его собственная мировоззренческая позиция, сформировавшаяся под влиянием определенной социокультурной среды. В этой ситуации сложность процесса ассимиляции новаций связана с сопротивлением общественного сознания, определенным запасом прочности социокультурных структур, стереотипов, культурных штампов (образцов культуры). Поэтому новации легче всего воспринимаются молодым поколением, особенно при сбоях механизма социокультурной трансляции (в условиях революций, войн, смены социально-политических приоритетов на государственном уровне, колонизации народа и т. д.). Один из авторов квантовой теории М. Планк, описывая свой путь в науке и рассуждая над частным вопросом о победе Больцмана над Оствальдом и энергетиками, пришел к выводу, что новые идеи побеждают, когда противники их, приверженцы старых теорий, постепенно вымирают<sup>11</sup>. Путь физического вымирания носителей старого мировоззрения, конечно, эффективен, но и опасен. К примеру, необуржуазная революция в СССР произошла тогда, когда уже не было физических свидетелей дореволюционной жизни, но осталась их опредмеченная в текстах критика существующего строя, его недостатков и обоснование преимуществ отвергнутого строя. Именно она (критика), а не реальная жизнь дореволюционной России, с ее плюсами и минусами, стала основным ссылочным материалом борцов с существовавшим режимом. Всегда есть факт, есть его интерпретация, что особенно на-

---

<sup>11</sup> Планк М. Научная автобиография // Планк М. Избранные труды. М., 1975. С. 656–657.

глядно можно проследить на идеологически разнонаправленных исторических источниках. В качестве аргументации всегда выступает не фактология, а интерпретация фактов, которая всегда субъективна и зависит от индивидуальной ментальности человека, от особенностей его социокультурной среды, многообразных условий, в которых шло формирование его мировоззрения, цивилизационных стереотипов культуры, в том числе и заимствованных, от культурных вкусов и предпочтений.

В развитии цивилизационной системы существуют латентные состояния, тенденции, постепенно приводящие к определенным состояниям неустойчивости, за которыми часто следуют резкие социальные изменения с малообъяснимыми фактами смены прогресса на регресс или наоборот. Периоды волнообразного нарастания разрушительных процессов сменяются в истории периодами процветания, золотыми веками науки и искусства, появлением целых плеяд талантов. Эти явления всегда привлекали внимание исследователей, но попытка дать им концептуальное обоснование принадлежит авторам цивилизационного подхода к анализу исторических событий.

Выход на авансцену христианства и мусульманства закрепил линейность восприятия времени. Новое время обосновало теорию линейного прогресса, что отразилось во всех философских и социально-политических учениях. В современную эпоху возрождается идея цикличности в рамках синергетической парадигмы в науке. В случае ее утверждения произойдут серьезнейшие концептуальные изменения, связанные с трансформацией, модификацией понятийного строя мышления и языка науки.

Задолго до возникновения синергетики цивилизационная теория возродила идею цикличности, идею периодичности эволюции и инволюции, прогресса и регресса. Цивилизационная парадигма общественного развития наглядно демонстрирует, что каждая система имеет свою структуру и механизмы функционирования. Любые новации либо адаптируются системой, либо разрушают ее. Отставание адаптационных механизмов от новаций часто приводит к разрушению системы. Ни одна социальная среда не может быть очень податливой и пластичной к изменениям. Ни природные, ни социальные среды не бывают абсолютно гибкими, восприимчивы-

ми к любым воздействиям на них и изменениям в нужном направлении. Любой социум, культура, система ценностей инерционны, консервативны, иммунны, не восприимчивы по отношению к новациям. Все новации испытывают инерционное давление, все социокультурные ниши заполнены наличными, хотя и далеко не совершенными знаниями, опытом, стереотипами: культурными образцами (штампами), нормами поведения, культурой мышления и т. д. Вновь возникающие или заимствованные когнитивные ниши под их воздействием деформируются, искажаются, видоизменяются, преобразовываются.

Любое общество (социальная система) табуирует новации в тех или иных областях (сферах) жизни. Прежде всего, это новации в морали. Мораль исторически является первой формой общественного сознания, благодаря которой первобытное человеческое общество стало принципиально отличаться от животного стада. Исчезновение морали превращает человека в человекоподобное существо. Все дальнейшие формы организации человеческого общества: род, племя, этнос, нация, государство, цивилизация – включают мораль в качестве основного структурного элемента своей идеологии, во многом детерминирующую формы поведения и социальнокультурную природу общества. В условиях социокультурной реформации мораль является той границей, за которой невозможен дальнейший отказ от традиций и ценностей. Успехи постмодернизации незападных стран связаны, прежде всего, с тем, что они продемонстрировали способность приспособлять средневековую идеологию, а следовательно, и традиционную мораль, традиционные формы поведения к требованиям современности. Эти страны пошли по пути мягкой социокультурной реформации, а не социокультурного нигилизма. Они смогли избежать смены моральных приоритетов с собственных на западные, прежде всего – протестантские. Они не заимствовали европейские модели модернизации, не копировали во всем Запад, а проводили у себя постмодернизацию, основанную на ценностях своей цивилизации. Наглядными примерами тому являются Япония, Южная Корея, Китай, Таиланд и т. д.

В истории тех или иных обществ были периоды падения нравов. На падение нравов в период распада родоплеменного строя на

Балканах общество ответило зарождающимся институтом права – появлением суда и учителей, обучающих правилам ведения споров в суде. Институт адвокатуры – достижение гораздо более позднего времени. В аналогичной ситуации римское общество создает писаное право<sup>12</sup>. На падение нравов в период Римской империи общество ответило увеличивающимся числом христианских общин, противопоставивших гедонизму римской элиты аскетическую этику. Реакцией на падение нравственной планки в современной России (также навязывание образцов и норм западно-европейской морали, в основе своей протестантской, резко противоречащей традиционным нормативно-ценностным установкам) является возвращение к христианским ценностям и одновременно рост новых религиозных объединений с жесткими нравственными требованиями на уровне бытовой морали.

Нравственность во многом регламентирует сферу поведения. Новации в сфере поведения тоже ограничены и обусловлены системой ценностных ориентации общества. Любая структурирующаяся социальная система регламентирует формы поведения и образ жизни. Каждая система вышестоящего уровня, к примеру цивилизационная по отношению к этнической, допускает больше инвариантов форм поведения и типов образов жизни. Попытка разрушения сложившихся поведенческих штампов, особенно вследствие внешнего давления (военного в прошлом, идеологического и экономического на современном этапе), приводит к разрушению привычного уклада и возвращает народ к давнему прошлому, закреплённому в этническом коде, т. е. к более архаичным формам поведения, древним архетипам. В подобных случаях наблюдается инволюция, хотя на уровне явления это будет восприниматься как новация. Поднятие на более высокий уровень поведенческих стереотипов, т. е. когда достигается эволюция на уровне сущности, оказывается возможным лишь в условиях выхода на более высокий уровень всей социокультурной традиции и практически невозможен в условиях копирования чужого опыта, иной цивилизационной системы.

Особый интерес представляет вопрос о том, как соотносятся новации и традиции при смене обществом идеологии. Каждый со-

---

<sup>12</sup> Памятники римского права: Законы XII таблиц, Институция Гая, Дигесты Юстиниана. М., 1997. С. 5–15.

циум вырабатывает свою идеологию, которая эволюционирует и деградирует вместе с ним. Попытка кардинальной смены идеологии губительна для цивилизационной и этнической систем. Отказ от прежней идеологии в целом разрушает и механизм согласования интересов, а новая идеология объективно ориентируется только на решение ранее не решенных проблем. Причем решает новая идеология эти проблемы прежде всего за счет институциональных новаций. Сами институциональные структуры могут быть производными от ценностей, существующих в обществе, а могут заимствоваться и тогда будут стремиться сами производить и навязывать общественной системе свои ценности, которые, в свою очередь, будут вступать в противоречие с существующими в обществе ценностями. Это делает систему хрупкой, что чревато расколом или распадом общества.

Институциональные новации бывают либо причиной, либо следствием социокультурной реформации. Социокультурная реформация всегда связана с реформой идеологии. Когда идеология заимствуется, неважно, вслед за институциональными структурами или опережая их, то у нее нет отлаженного механизма решения тех проблем, которые решались в рамках прежней идеологии. Если при прежней идеологии система пусть недостаточно эффективно, но все-таки функционировала, была жизнеспособна и развивалась, то при новой идеологии она просто начинает рассыпаться, дробиться на составные структурные элементы подчиненного уровня. Так полиэтничные цивилизации, имеющие государственную структуру, распадаются на этнические системы. Происходит понижение уровня идентификации с цивилизационного на этнический. Если этнические социальные системы пытаются создать государства с апартеидными формами функционирования, то провоцируют внутренний конфликт, что приводит к распаду или реформированию теперь уже этой системы.

Теперь рассмотрим, как обстоит дело с новациями и традициями в сфере производства на цивилизационном уровне. Впервые обратили внимание на то, что существует табу на новацию, этнографы при изучении первобытных обществ. В этих обществах первобытные социальные структуры блокировали новации по многим направлениям. Причем нарушение табу кончалось для нарушителя

смертью, как правило, добровольной (без применения насилия). В XX в. М. Вебер<sup>13</sup> показал, что именно идеологическая реформация – протестантизм – была толчком, пусковым механизмом быстрого развития капиталистического производства. Он (протестантизм) отменил многие табу на новации, объявил личный интерес и успех богоугодным делом, отменил ограничения на взаимоотношения с природой. Эпоха Возрождения создала культ гераклитова человека, эпоха Нового времени этот культ подтвердила, капитализм этого человека реализовал. Снятие запрета, отмена довлеющего канона открыли дорогу новациям, а, как известно, чем меньше ограничений, тем более быстрыми темпами идет развитие. В традиционном обществе новации в сфере производства постепенно табуируются, что со временем приводит к достижению гомеостаза, когда человеческая деятельность становится частью биоценоза. В древние времена, если этническая система этого достигнуть не могла, то она погибала либо мигрировала. Природа всегда мстила за неразумную хозяйственную деятельность, поэтому не случайно языческие боги персонифицировались с явлениями природы. Обоожествление природы и, как следствие, табуирование разрушительной человеческой деятельности было способом выживания социальных структур – родов, племен в эпоху родоплеменного строя.

В трудовой деятельности периодически происходит смена смыслов и ценностных ориентации. Но это происходит только в период неустойчивого состояния цивилизационных, этнических систем, а также в период их разрушения и становления. Смену смыслов и ценностных ориентации в трудовой деятельности можно рассмотреть на примере взаимоотношения человека и домашних животных. Сам факт приручения домашних животных имеет две версии. Первая, рационалистическая или утилитарная, согласно которой одомашнивание диких животных давало возможность снизить остроту продовольственной проблемы при уменьшении количества диких животных в регионе или временных осложнениях охоты в связи с климатическими особенностями местности. Однако хорошо известно, что сам процесс приручения диких животных – дело не только хлопотное и обременительное, но и очень длительное.

---

<sup>13</sup> Вебер М. Протестантская этика: Сб. статей. Часть 2–3. М., 1973 С. 7–264.

С позиций рационально-прагматического подхода заранее трудно предугадать оптимальное целевое назначение конкретного животного, которое, по всей видимости, определяется методом проб и ошибок на протяжении многих поколений людей.

Согласно второй версии, приручение животных совершалось в процессе становления ритуально-магических действий. «Приручаемые животные были первоначально магическими фетишами, т. е. табу – запретными для прагматического использования» в пределах тотема. Они не были таковыми лишь для пришельцев-варваров, «чужих», «непосвященных» – завоевателей и «эмигрантов»<sup>14</sup>. Для членов тотема содержание животных установленного вида рядом с людьми обладало определенным магическим смыслом, а уход за ними и селекция имели четко заданные и осознаваемые ценностные ориентации с позиций их мистической значимости. Но для других людей эти животные не располагали мистической значимостью, их ценность носила сугубо утилитарный характер, при этом люди могли использовать накопленный опыт ухода за животными, методы селекционной работы, но изменить ее направление в нужном для них русле. Сама трудовая деятельность по своему характеру, приемам, формам организации труда может остаться прежней или слегка измененной, но происходит принципиальная смена смыслов, ценностных ориентации этой деятельности. Постепенная утрата мистической окраски деятельности может происходить и другими путями. Вследствие этнической переструктурировки, когда на базе атомарных остатков прежней этнической системы с участием чужеродного элемента формируется новый этнос. С разрушением системы обычно погибают и идеология, и институты, обеспечивающие ее функционирование и воспроизводство. Такой идеологией для первобытного общества является мифология, а институтом, обеспечивающим ее функционирование и развитие, является магическая практика. Разрушается носитель идеологии, разрушается и сама идеология. Для нового этноса прежняя мистика теряла смысл, а вот значение утилитарного использования резко возросло. Именно этим, по всей видимости, объясняется тот факт, что приручение животных произошло в палеолите, а их массовое сельскохозяйственное разведение с целью продоволь-

---

<sup>14</sup> Бородай Ю. М. От фантазии к реальности. М., 1995. С. 232.

ственного использования относится уже к эпохе неолита. Признаки domestikации лошади отмечены в верхнем палеолите Франции<sup>15</sup>. Известны и другие успехи приручения диких животных у различных верхнепалеолитических сообществ, но это не привело к созданию производящего хозяйства. Неолитическая сельскохозяйственная революция стала следствием популяционного взрыва у народов, уже знавших одомашнированных животных и растений<sup>16</sup>.

Точно так же можно рассмотреть и отношение человека к орудиям труда, их украшению, фетишизации, использованию в ритуально-магической практике и прагматически. «Почитание архаических божеств сначала в виде самых грубых дубин, определенной формы удобных камней, а затем и относительно искусно выделанных топоров, ножей, копий, стрел – явление универсальное... Если потенциальное орудие становилось табу, то ведь тем самым оно исключалось из обыденной повседневной практики, превращалось в магически-ритуальный предмет, аналогичный богу тотему. ...Оно становилось запретным для обычного утилитарного употребления»<sup>17</sup>. Использование таких предметов в прагматически ориентированной деятельности становится возможным в других тотемах или в другое время, где данные предметы воспринимаются вполне обычными светскими орудиями, пригодными и даже незаменимыми в практической деятельности. «...Один и тот же предмет ...оказывается бесконечно разнообразным по своему значению в зависимости от функционирования в той или другой области». Так, бронзовый топор лабрис, изобретение, возможно, родового общества, является «реставрацией в бронзовом веке давно минувших времен безраздельной первобытной магии, которая к тому времени в значительной степени уже перестала играть свою прежнюю роль»<sup>18</sup>. Принцип последующей утилизации священных фетишей универсален для человеческой истории, как универсальна смена смыслов и ценностных ориентации трудовой деятельности. Эти процессы носят скачкообразный, взрывной характер и наблюдаются в фазе нестабильного развития общества или в процессе цивилизационного,

<sup>15</sup> Линдبلاد Я. Человек – ты, я и первозданный. М., 1991. С. 28–32.

<sup>16</sup> Калягин Н. В. Происхождение цивилизации. М., 1996. С. 175–177.

<sup>17</sup> Бородай Ю. М. С. 218–219.

<sup>18</sup> Лосев А. Ф. Античная мифология. М., 1957. С. 115.



этнического структурирования (формирования или распада), т. е. в определенных пограничных ситуациях.

Принципиальная смена смыслов и ценностных ориентации как в сфере трудовой деятельности, так и в отношении к природе произошла в рамках западно-европейской цивилизации в эпоху нового времени. Быстрому промышленному росту Европы и Америки способствовали снятие табу на новации, принципиально новая мировоззренческая установка, когда традиции, пришедшие из прошлого, стали рассматриваться в качестве тормоза на пути прогресса. Из божества природа стала бездонной кладовой, к тому же бесплатной. Любое табу на взаимоотношения с природой рассматривалось не только как предрассудок, имелось и рационалистическое обоснование его вредности с позиций эффективности производства. Но именно западно-европейское общество, обогнав другие цивилизации на пути научно-промышленного прогресса, первым столкнулось с извечной жизненной дилеммой.

Отказ от разного рода ограничений приводит к удешевлению производимой продукции, повышает ее конкурентоспособность, но разрушает среду обитания (проживания). В свою очередь, последнее стимулирует возобновление процесса табуирования под угрозой экологической катастрофы. Таким образом, современное общество вернулось к тому, что так удивляло исследователей при анализе первобытных культур. Табуирование или запрет на определенный тип новаций в различных сферах человеческой жизнедеятельности есть непереносимое условие существования социальных макро- и микроструктур. Табуирование или запрет на новацию формируется и выражается в идеологии той или иной общественной системы: цивилизации, этноса – как условие, обеспечивающее ее существование, прежде всего в качестве системы.

Идеология не только накладывает табу во всех сферах жизнедеятельности, но и сама имеет табу на новации. Идеология пронизывает всю социальную систему, поэтому новации в идеологии требуют переструктурировки системы. Сама перестройка системы имеет двойкий результат. Она может укрепить систему, а может и разрушить ее, прежде всего по причине отсутствия (ненаработанности) механизмов согласования многоуровневых связей и взаимоотноше-

ний, особенно в полиэтничных или сильно дифференцированных по социально-экономическому признаку социумах.

Не избежало первобытного греха – фетишизации – и самое передовое в области научно-технического прогресса общество. Только фетишем в современном обществе становится не родовой тотем, а всеобщий эквивалент товаров и услуг – деньги. Теперь люди начинают служить им, как раньше служили родовому тотему. Наличие денег, как раньше близость к тотему в момент ритуала, определяет положение человека в обществе, его социальный статус. Потеря денег, как утрата тотема, может кончиться для человека гибелью (обычно добровольной, как и в условиях родоплеменного строя).

Еще один показательный пример смены смыслов и ценностных ориентиров в трудовой деятельности демонстрирует западно-европейская цивилизация в эпоху нового времени – соотношение целей и средств. Во всех цивилизациях, существовавших до возникновения западно-европейской, производство было средством, обеспечивающим человеческое существование. Исключением, в определенном смысле, может быть только иудейская цивилизация, находившаяся на перекрестке торговых путей и существовавшая за счет спекулятивного и ростовщического капитала. В ее культуре деньги играли более значимую роль, чем во всех других цивилизациях древности.

Научно-технический прогресс западно-европейской цивилизации изменил соотношение целей и средств. Промышленное производство из средства становится целью. От его эффективности, уровня развития, от объема валового национального продукта зависит значимость государства в международной иерархической системе, его способность преднамеренно влиять на ход мировых событий. Производство стало государственным, цивилизационным тотемом. Та цивилизация, которая доминирует в сфере производства, навязывает остальным свою идеологию и культуру как общечеловеческие. Но как уже показала история, тотем со временем из божества становится утилитарным предметом, из цели он превращается в средство, но это возможно только в чужеродной среде. По истечении определенного времени общество (некая социальная структура) создаст нового тотема, превратив старого в ути-

литарное средство, принципиально изменятся идеология и институты, обеспечивающие ее функционирование и развитие. Производство из тотема и наука из религии станут полезными утилитарными средствами, служащими исключительно для обеспечения человеческого существования и не будут иметь самодостаточного, самодовлеющего статуса в обществе. Но закономерность останется прежней: выход на новый уровень, на новацию может осуществить первоначально только иная цивилизация. Распространение этой новации столкнется с противоборством устоявшейся традиции, которая до конца будет сопротивляться утилизации своих божеств и своей религии.

Общество в конце XX в. имеет несколько уровней структурирования: цивилизации, нации, этносы и государства, причем этнос редко совпадает с нацией, а государство с цивилизацией. Основное отличие современных цивилизаций от ранее существовавших заключается в их жесткой взаимосвязанности, а следовательно, и взаимовлиянии, взаимозависимости. Существует некая межцивилизационная координация на глобальном уровне. Это объясняется наличием нескольких факторов: увеличением численности населения, усилением коммуникационных процессов, расширением средств влияния на общество как внутри конкретной социальной системы, так и за ее пределами благодаря техническому прогрессу. Рассмотрим значение традиций и новаций в этих условиях и их роль в ближайшем будущем.

Запад показал всему миру, что такое модернизация, чего может добиться общество, сняв с себя оковы догматизма, табу на новации, придав науке статус религии. За последние двести лет темпы развития западно-европейской цивилизации были столь впечатляющими, что модель потребительского общества становится очень привлекательной и многими на какое-то время стала восприниматься как безальтернативная. Но, вырвавшись вперед в области образования, науки, техники, индустриализации, Запад первым столкнулся и с новой проблемой – исчерпаемостью природных ресурсов, столь необходимых для функционирования индустриального и постиндустриального общества. Изменились и способы противостояния цивилизационных систем, впервые цена победы противника стала измеряться возможной гибелью всего человечества. Об-

щество оказалось перед дилеммой: либо ничем не ограниченные новации, быстрые темпы прогрессивного (в области производства и науки) развития, либо гомеостаз, баланс с окружающей средой и резкое замедление темпов технического прогресса, так как природа не успевает адаптироваться к новшествам, а это грозит человечеству гибелью.

Со времен Платона люди неоднократно пытались угадать тенденции общественного развития, вскрыть созревавшие в недрах общества, но еще не вербализованные механизмы этого развития, создать модели будущего общества. Критерием истинности для социальных теорий оказывается время, причем очень отдаленное, так как близкое часто обманывает, вселяет иллюзорные надежды. Но подобный критерий никогда не удовлетворял людей, поэтому общество постоянно ищет другой, более надежный. Ставка делается на опыт людей, на знания как на главное богатство человечества. Наше знание столь разнообразно благодаря множественности культур, детерминирующих его. Ведь любое знание первоначально возникает в определенной социокультурной среде, а уже затем транслируется на другие цивилизации. Любое знание, а точнее его реализация, имеет следствия как основные, так и побочные. Не столько знание, сколько его продукт получает общественный отклик. Этот продукт видоизменяет ближайшую и отдаленную среду, ее структуру, архитектуру, конфигурацию, орнамент, внутрисктурные элементы, взаимосвязи.

Особенностью XX в. для общественных наук является кризис теории непрерывного линейного прогресса. Развал социализма поставил вопрос о его месте на шкале прогресса, а стремительный взлет валового национального продукта и темпов экономического роста ряда стран Юго-Восточной Азии не находил ответа в рамках технократических теорий Запада. В научный оборот был введен термин модернизации как характеристика индустриальной фазы производящего хозяйства, как новая технологическая революция в истории человечества, сравнимая по своим масштабам с сельскохозяйственной революцией неолита. Одновременно отмечалось, что в разных социальных средах имеют место разнонаправленные процессы. Направленность процесса детерминируется логикой внутреннего развития системы под влиянием давления внешней среды.

Даже если социально-экономическое и политическое давление внешней среды, доминирующей цивилизации на другие цивилизации будет одинаковым, социокультурные и экономические процессы в них будут протекать по-разному. Поэтому модернизация в XX в. в одном случае будет проявляться как постмодернизм, в другом как неомодернизм, а в третьем как демодернизм. Постмодернизм возник как разочарование Запада самим собой, осознание пределов западной модели и актуальности новаций для новой традиции. Для незападных стран особенность эпохи постмодерна заключается в том, что здесь развитие структурных систем общества от этноса до цивилизации осуществляется на основе собственной идентичности, где модернизация является средством выживания существующих этнических, национальных и цивилизационных систем. Постмодерн как теория признает многовариантность развития. Наглядный пример тому – особенности процессов модернизации ряда азиатских стран, осуществляющих капиталистическое развитие, опираясь не на индивидуалистическую протестантскую этику и фетишизацию финансового капитала, а на человеческий капитал – коллективистскую солидарность, семейную трудовую этику, престижность образования, стабильность семейной жизни, т. е. традиционалистские ценности. Здесь процесс модернизации не основан на смене культурной идентичности на западную. Технологическое развитие сочетается с сохранением традиций, локальной спецификой. Это симбиоз элементов традиционного и современного общества. Однако и западная цивилизация осуществила синтез ранее не совместимых вещей – аскетизма и гедонизма. Аскетизма производства и гедонизма досуга.

Постмодернизация – это новая модель модернизации, где экономическое развитие тесно увязывается с ролью культурных факторов. Постмодернизация, в отличие от модернизации, позволяет миновать особенно болезненный момент в развитии социума – смену идентичности. Вследствие этого цели не вступают в противоречие с ценностными ориентациями. Эффективно используется наука при осуществлении традиционных ценностных ориентации социального выбора. Оптимально сочетаются мировоззренческие и инструментальные ценности, вырабатываются гибкие институциональные формы организации общества. На базе ряда азиатских

стран мы видим успешный поиск новых институтов и структур на основе традиции. Для этих цивилизаций характерны национальная солидарность, отсутствие засилья худших образцов массовой культуры. Необходимо отметить, что и в странах западноевропейской цивилизации с высокой древней культурой влияние массовой культуры незначительно, зато активны протесты общественности против засилья американской культуры в Италии и Франции.

Если модернизм характеризовал собой сдвиг от авторитета религии к авторитету государства, от авторитета традиции к неограниченным новациям, то постмодернизм – это движение от авторитета государства к авторитету традиции, к поддержке традиционных ценностей, уменьшению престижа науки (она перестает быть религией), снижению роли технологии, рациональности. Возрастает роль гражданского общества настолько, что доминирующие в данном социуме ценности обретают способность к производству институтов, а не наоборот. Постсовременными являются те общества, которые в настоящее время обеспечивают себе стабильность, жизнеспособность и развитие на основе различных подходов. В таких обществах не людей переделывают под поставленные цели, а цели соотносят с реальными возможностями людей, используя самые различные черты национального характера, особенности местного менталитета<sup>19</sup>; Ценятся в людях не только способность к предпринимательству, трудолюбие, умение перестраиваться и приспособливаться к быстро меняющимся условиям, любовь к новаторству, но и привязанность к традиционному образу жизни, терпение, неспособность бунтовать, готовность работать за низкую, но стабильную оплату и т. д.

Освободиться от исторического наследия невозможно, оно всегда будет трансформировать любую заимствованную новацию, так как исторически воспроизводятся опорные точки психической жизни народа (этноса), его устойчивые архитипические образования. Поэтому целесообразнее отказаться от иллюзии повторения чужого, даже позитивного опыта в иных временных или пространственных координатах. Мировой прогресс складывается под влиянием локальных культурных, технологических и социально-экономических новаций и адекватной или неадекватной реакции на них со

---

<sup>19</sup> Morishima M. Why has «Succeeded». L., 1983. P. 87.

стороны других цивилизаций, сумевших преодолеть вызов в собственных социокультурных формах.

Анализировать цивилизационное развитие можно с различных позиций: с точки зрения культурных различий и с точки зрения общезначимого начала. Исследователей исторического развития всегда интересует вопрос перспективного развития общества. На сегодняшний день это вопрос о том, что будет существовать после современной эпохи, можно ли заранее предугадать тенденцию развития общества. Переход к новому этапу развития общества – это всегда отрицание предыдущего, и если не сформировалась новая альтернатива развития, то преднамеренной новацией будет восстановление ранее отвергнутого. Так, средневековье отрицало античность, эпоха Возрождения – средневековье, социалистическое общество – капитализм, а неокapитализм – социализм. Преднамеренная социальная новация имеет следствием непреднамеренную, которая не только не совпадает с первой, но может иметь иное направление последующего развития. Цивилизационные новации могут быть самопроизводными, а могут осуществляться под давлением других цивилизаций.

Источником рациональных социальных и научных описаний социальной реальности выступает сама реальность, порождающая новые концепции развития в качестве ответа на вызовы. В этом отношении большой интерес представляет анализ фактологического материала, а также сравнительный анализ интерпретации одних и тех же фактов. Эмпирические изменения в мире оказывают огромное воздействие на ход теоретических обоснований, прогнозов и действий. Все большее число сторонников приобретает позиция Н. Д. Кондратьева, согласно которой возможность предвидения на основе теории является вместе с тем и критерием истинности теории<sup>20</sup>. Предсказываемая смена группы мировых лидеров в экономике с западно-европейских на восточно- и южно-азиатские в 20-е гг. следующего тысячелетия (а это довольно близкая перспектива) ставит вопрос о том, какие же ценности будут претендовать на роль общечеловеческих, какая форма социально-политического и экономического устройства будет доминировать, давление какой цивили-

---

<sup>20</sup> Кондратьев Н. Д. Основные проблемы экономической статистики и динамики. Предварительный эскиз. М., 1991. С. 141.

лизации будет определяющим по отношению к другим цивилизациям, и в каком направлении будет осуществляться преднамеренная новационная деятельность социумов, и какими будут непреднамеренные новации.